

НИКИТА БЛИНОВ

поэт, стихи пишет с 15 лет,
первая книга стихов «Ни чего» выпущена
в 2005 году

ИЗ КНИГИ «НИ ЧЕГО»

Выбранные места из перебранки с ангелами

* * *

С. Потапенко

Голубыми вечерами
на железной крыше
белый ангел почивает —
кружевные брыжи.

Вот он, голову склонив
на карниз невзрачный,
спит — воздушен, и красив,
и полупрозрачен.

Строг его нездешний лик.
И, как простокваша,
бел небесный дождевик,
лишь слегка подкрашен.

Или, может, то — хитон?
 Вретище? Рогожа?
 Нет! — Хламида?.. В общем, он
 спит, во что-то облачен
 странное, похож на

облако из молока,
 что намедни скисло.
 Затекла его рука,
 и крыло повисло.

Но улыбка так легка!
 Так великолепна!
 И божественно легла
 складка у колена.

И таинственно дрожат
 длинные ресницы,
 как во время летних жатв
 яркие зарницы...
 А над ангелом кружат
 синие синицы.

И раскинуты власы,
 лоб, как месяц, светел, —
 сквозь сухих осин стволы
 я его приметил.

Прилетел к нам дивный гость
 с первым робким снегом,
 весь пронизанный насквозь
 осторожным светом
 синих и далеких звезд.

...Он устал! Устал! Устал
 сквозь луны окошко
 падать, превратясь в кристалл,
 как сквозь обруч кошка...
 Он забвения взалкал
 и вздремнул немножко.

И лежит: прикрыв висок
 клавишами пальцев, —
 словно сахара кусок,
 словно снега панцирь, —

в ожидании весны
 призрачно мерцая,
 и неясные нам сны
 ясно созерцая, —

беспредельной белизны! —
и тихонько тая.

.....

В зимний вечер голубой, —
дым когда ажурный
над кирпичною трубой
виснет абажуром,

и мороз горюч, как спирт, —
на железной крыше
белый ангел чутко спит.

Тише!

Тише!

Тише!..

Ангельская баллада (Метеорологическая)

С. Потапенко

Лучится электрический бутон.
Стрекочет чайник, — я ему не верю.
...Осенний ангел в драповом пальто
на улицу выходит, хлопнув дверью.

Из крана в раковину каплет ржавь.
Шурует мышь в покинутой каморке.
...Осенний ангел, замотавшись в шарф,
шагает вдаль вдоль набережной Мойки.

...Осенний ангел с пасмурным лицом
глядит на мир отсутствующим взором,
соря из-под полы сухим листом
и вальс танцующим бумажным сором.

И видит — небо. В небе — гул валторн,
клубятся медью дышащие жерла.
...Осенний ангел в драповом пальто
сворачивает на канал Крунштерна.

Над крышами клубятся облака,
там развернулся в сполохах сирени
воздухоплавательный балаган
и арлекин играет на свирели.

...Осенний ангел в драповом пальто
идет куда угодно, наудачу, —
и размышляет на ходу о том,
что: «Скоро — первый снег, а это значит,

что я...» (а *что* — придумать не могу), —
и видит, разрешая трудный ребус,
как ...Зимний ангел в куртке на меху
скрывается в полупустой троллейбус.

...Осенний ангел в драповом пальто
стоит, сметаясь: «не потрафил фортуне», —
потом, достав застиранный платок
(простыл — видать, на сквозняке продуло),

сморкается растерянно; затем
соображает: «Так стоять нет проку...» —
и, роковым предчувствием задет,
перебегает мокрую дорогу.

...Осенний ангел в драповом пальто —
рассыпав спички, трепеща в горячке —
у встречного прикуривает — о
окурок, тлеющий в горсти горячей.

...Осенний ангел в панике, в тоске
бежит по улице, по переулку,
и — от безумия на волоске —
свою же тень в подъезде караулит.

Опять бежит. Вспугнув кагал ворон,
по улице на площадь выбегает,
несется дальше проходным двором,
фонарные подставки огибает.

Смеется, плачет: «Экий я дурак!»
Кричит, плюется: «Тьфу, юрод блаженный!..»
Плывет под башмаками тротуар.
Дрожат, колеблясь, в лужах отраженья.

.....

...Осенний ангел в драповом пальто
глядит, томясь, во тьму с моста, — и даже
в припадке труса думает про то...
Но мчится: дальше,

дальше,

дальше,

дальше!..

И в ужасе — с известкой на плече —
вдруг оборачивается и видит:

...Весенний ангел в плисовом плаще
флиртует с дамой в бязевой хламиде.

...Осенний ангел в драповом пальто
взирает на коллегу, под часами

колеблющегося в огнях «авто»...
Тем временем гражданин исчезает.

Озябший ангел в драповом пальто
в себя приходит и, собравшись с духом,
к собрату обращается: «Пардон,
простите, но — а-а-а-пчхи! (пустяк, простуда) —

простите, что имею дерзость Вас
обеспокоить. Но, я полагаю... —
мне кажется... — я думаю... — на вальс
позвольте... — пригласить... Я отвлекаюсь.

Короче говоря, я говорю:
моя душа плутает в лабиринтах...
Дозвольте прислониться к фонарю?..
Нет, лучше — вот, я привалюсь к перилам.
Но главное, что я хотел сказать,
так это то, что мы заочно с Вами
знакомы... И к тому же, так сказать,
так произнести... — ах, мысль моя в развале!

А потому я думаю (дрожит
моя рука и по-над бровью жилка):
вот, собственно, что я Вам предложить
и собирался (есть ли в том ошибка —

судите сами: я же на износ
жил!) — а не заложить ли нам „за галстук“?!»

Тогда Весенний ангел произнес:
«Ну, что же... С ВАМИ Я ВПОЛНЕ СОГЛАСЕН.»

Осенний дождик сирот моросит.
Звонит трамвай. Мелькает ФЕРТ в крылатке.
И, торопясь, заходят в магазин
...Осенний ангел и ...Весенний ангел.

И вот уже, спустив на алкоголь
последние гроши, герой наш нервный
в пустынном сквере с голою ольхой
пьет из горла Азербайджанский вермут.

Нет, вы представьте залихватский жест,
с которым он бутылки осушает,
подъемля — словно вымпел, будто жезл —
сосуд, который странно отражает
красивый «брудершафт» полубожеств,
двуангелие на фонтане ржавом!

А между тем — совсем уже темно.
 Пивточки, магазины и киоски
 закончили работу. Но тепло
 во тьме посверкивают папироски.

И дальше длится ангельский «чин-чин»,
 почин вневедомственного контакта.
 Но только вдруг без видимых причин
 сюжет проваливается куда-то.

Мы снова видим улицу: горит
 светильник с веерообразным спектром.
 Прохожий под зонтом похож на гриб
 чернильный. Сеет дождик с мокрым снегом.

И снова, — но уже совсем «готов»,
 у милиционера на прицеле, —
 ...Осенний ангел в драповом пальто
 плетется без определенной цели.

Уставший ангел в драповом пальто
 плетется в одиночестве без цели,
 мечтая: «Только бы — воды глоток!..
 стакан!!

 Бутыль!!!

 Бидон!!!!

 Ведро!!!!!

 Цистерну!!!!!!!»

Продрогший ангел в драповом пальто
 куда-нибудь влачится по Фонтанке,
 шепча: «Глоток, а дальше — хоть потоп!» —
 и вспоминает сцену на фонтане.

...Осенний ангел в драповом пальто
 насквозь проходит облако тумана;
 затем — стоит, задумавшись; потом —
 звонит из телефона-автомата.

Он опускает в скважину 2 коп.
 Он набирает код Бюро погоды.
 И, внемля гулу голубых синкоп,
 ответа ждет и долго, и покорно.

Но, ничего не услышав в ответ,
 кладет на рычаги глухую трубку
 и собирается послать конверт
 в метеоцентр. Но, повернувшись круто,

он видит: ...Летний ангел грозовой —
в каком-то вретище, ковбойке, бурке,
штормовке — в очередь на разговор
толпится возле телефонной будки.

...Осенний ангел в драповом пальто
выходит вон, имея страх великий.
И точно знает: «Что-то тут не то, —
интриги все, интриги все, интриги!»

...Осенний ангел в драповом пальто
в прихожую вступает, хлопнув дверью.
Сияет электрический бутон.
Гундосит чайник (я — ему не верю).

...Осенний ангел видит потолок,
который — пол; тому виной — простуда.
Он скидывает черное пальто
и вешает его на спинку стула.
Он гарусный разматывает шарф.
Он чувствует все признаки озноба,
испытывая в то же время жар.
И выкипевший чайник ставит снова.

Из крана в раковину каплет ржавь.
И треугольный звук упавшей капли
на мозг обрушивается как шар
из хлороформе выдубленной пакли.

...Осенний ангел знает наперед,
что скоро все свихнется радикально.
А жизнь в Бессмертье и наоборот,
как плазма жидкая, перетекает.

Осенний ангел пьет Грузинский чай
и принимает бромгексин в облатке.
Его неясная томит печаль,
и плачет «ни-о-чем» ...Осенний ангел.

Явь начинает плавать как во сне:
легко называют полусферы.
А город засыпает первый снег.
И все пронизано дрожащим светом.

...Осенний ангел — Золотой псалом
полушепча и без причины плача —
сидит за грязным кухонным столом,
полуреален и полупрозрачен.

Он прозревает — и в последний раз
глядит вокруг. Но, сном одолеваем,
раскатывает вяленый матрац,
набитый листьями и мотылями.

...Осенний ангел в голубом трико, —
пусть город первым снегом засыпает, —
серебряное подвернув крыло
под голову, надолго засыпает.

.....

...Осенний ангел спит. А белый снег
уже покрыл панель на перекрестке.
И незнакомый человек из тех,
что по ночам стреляют папироски, —
в полуботинки легкие обут,
вертя туда-сюда мордоворотом, —
все будет волочиться наобум,
пока не скроется за поворотом.

* * *

Как-то под вечер сидел Петров
и размышлял, ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ...
Бычье варить он не стал бедро —
водочки выпил и скушал сельдь.

Выпил еще раз... — эх, раз!.. А сельдь,
всю обглодав, — зашвырнул в ведро.
Что же такое за штука СМЕРТЬ —
так и не смог разгадать Петров.

Вот он покушал, попил чайку,
взял папироску, достал чиркаш,
чиркнул! и закурил. Но — чу! —
лязгнула фортка, как кочерга...

И распахнулось окно. — Конец! —
понял Петров, но бежать не стал.
И вот — прозрачный, как холодец, —
ангел перед Петровым предстал.

Ветер по кухне кружил листву.
Грохнул кастрюлей — пушечный залп!
...Ангел перстами высек искру
и, к косяку прислонясь, — сказал:

«Здравствуй, Петров! Я уже давно
интересуюсь тобой... А ты
не трепещи и закрой окно.
Также — в стакане подай воды.

«.....» —

Благодарю.
...А теперь взглянуть
мне в очеса ты изволь посметь
и не лукавь, а правдивым будь:
хочешь узнать, что такое — СМЕРТЬ?»

«.....?»

...«Знаю, что хочешь... Но — не дано
смертному знать, что такое — смерть.
Смерть — не она, а скорей — ОНО...
...Ну-ка, тащи из буфета снедь!

...То-то! Еще — чихирю налей.
Потчевай лучше гостя, Петров!»

...И побелел наш герой, как мел,
как первый снег или как Пьеро.

Влаги, однако, не расплескал:
рюмку наполнил по самый край.
«Чую, ох, чую! что смерть близка!..
Слышу, ох, слышу! вороний грай...», —

чуял и слышал бедный Петров.
Под потолком дрожал абажур...
(Ах, извините! — сломал перо.
Спасибо, поправил... Дальше пишу.)

...Так и сидели: белый Петров,
Ангел Господень и дура Смерть.
А за фрамугой — город Петров
плавал в апокалиптическом сне.

Рушились зданья, влеклась Нева,
кренился тополь, метался лист
чешуекрылый... Нет — даже два!
...Блуждал по городу окулист —

Модест Полуэктых... (По сути — мглист...
По форме же: шапокляк и френч.
Ужасный ферт и индивидуалист!)
...Ну, да — плевать! Не о нем и речь.

Короче: то ли вина паров
винных, то ли чего еще, —
но грустный на кухне сидит Петров.
И ангел ему предъявляет счет

(мол, так-то и так-то...): «В разврат пиров
ты погрузился и пил вино,
меры не зная!»... На что Петров
плюнул и выругался дрянно.

...Мол, то-то и то-то... — «Во тьме миров
ты заплутал и виновен!» ...Но
грустно на стуле сидит Петров
и безразлично глядит в окно.

Капает в раковину вода...
И ангел таинственно говорит:
«А смерть, если хочешь узнать...»
— О, да!!!
«Так знай, что смерть — это...»

И сразу запела чудо-дуда...
Все странным дымом заволокло...
Взирает ангел туда, куда...
Петров же смотрит в окно, окно...

Глаза его словно стакана дно,
а тело как тонкое волокно...

Мысли — как газовое полотно...
И мучит одно...
Он глядит в окно

и слушает громкую тишину...
Тут ангел спрашивает, багров:
«Сообразил?.. Отвечай же, ну!..»

«ЛИСТЬЯ ЛЕТЯТ...», — промолчал Петров.

— — —

Уже позже, чем вам кажется...

Некий старец

Ночь. На асфальте — лунная плесень...
Осень... Запахов пиршество.
Листья летят... — старая песня!
Но — не поется, не пишется.

Ибо — уже... — то чувствует каждый.
 Чем потрафить читателю?..
Листья летят. — Точнее не скажешь...
 А смерть? — чур! не считается.

* * *

На Рождество добрый Ангел подарит тебе волшебную коробочку, в которой будет заключен ответ на все вопросы.

...Под вечер задрожит звонок.
 Ты к двери подойдешь, в замок
 протиснешь клацающий ключ
 и повернешь...

И увидишь: на лестничной площадке, — где в шахматном порядке построились кафельные ромбы, а в неживых, проклятых, заплеванных закутах собрался студёный мрак, и где единственная электролампочка в 40 технических свечей отпускает тусклые цитаты света, — стоит Он.

Вдохнет через порог мороз
 кристалл заиндевевших роз,
 а Ангел — золотоволос —
 стоит и смотрит...

Но вот, шелестя складками левитона и шурша радугами, — Он пройдет в прихожую и, ни слова не говоря, —

тебе, сорящему букет морозной
 флоры на паркет, —
 протянет небольшой пакет
 прямоугольной формы,
 прямоугольной формы...

И тогда, справившись с волнением и не спрашивая, почему, —

ты робко на руки возьмешь
 прямоугольный сверток. Нож
 с угарной кухни принесешь
 и полоснешь бечевку,
 и полоснешь бечевку...

И сразу — все поймешь...

все поймешь...

Обыск

Два черных ангела пришли
и все искали что-то в ящике стола...
Посмеивались, матерились,
гремели стулом о паркет...

Советовали: Вам же будет лучше...

Простукивали стены, в дымоход
фонариком заглядывали.

Хмурились. Предупреждали.

...Удар в лицо! Под ребра! В пах!

— Тьфу, черт!..

Стоять, сказал!!

Шумни, попробуй, мразь!

Дерьмо! Свинья!..

— Писаки ё..., ... вашу мать!

(Ну, что ж, понятно:

работа грязная, на нервах... Тяжело.

Все раздражает, так-растак!..

Крутись!..

И главное — из-за кого? за сколько!..)

Потом — ходили от дверей к окну:

туда-сюда, туда-сюда... И снова.

Без толку, без конца.

Играли кобурой, скрипели кожей,

бубнили что-то жирное в усы...

И перья

иссиня-черные роняли на пол.

...А после — мне вручили протокол

иль нет какой-то лист казенный в общем

мол подпишитесь...

И в ночь растроганного повели.

* * *

Декабрьской улицей при фосфорической
 луна
 два ломких ангела на замороженном окне
 (одежда их и крылья в кристаллических
 былинках)
 степенно проступают в иллюзорной глубине
 и вдаль ступают, что-то бережно неся
 в пробирках;
 светясь и не истаивая на голубом огне,
 по щиколотку в бриллиантовых опилках.

* * *

Я — человек, Ваше сиятельство!

Н. В. Гоголь

Я — человек! Я состою из ребер,
 из бронхов, из волокон и костей.
 Во мне октаэдры пронзают ромбы,
 и громоздятся грани плоскостей.

Я — человек. Я двигаю руками,
 прогресс, полками... — всем, чем захочу.
 И голова моя идет кругами,
 когда я очи в небо закачу.

Я — человек. Я замурован в теле,
 но все стремлюсь куда-то впоыхах,
 отбрасывая ломаные тени
 и дико отражаясь в зеркалах.

Я — человек. Вот — вид мой несусветный,
 вот — волосы мои, вот — голос мой...

Я — человек: из мусора и света
 смонтировал меня Мастеровой.

Я — человек! Я средоточье точек,
 кривых, объемов, эллипсов, шаров...
 Во мне проистекает дни и ночи
 взаимопроникание миров,

которые шумят, как листья кроны
 перед грозой... Я — сущность на сносях!
 Во мне не умолкает стрекот крови
 и дребедень суставов на осях.

Я — человек! Я есмь! — как это дивно! —
 среди объектов, кажущих мне путь.
 Моя природа явно конструктивна...
 Я в этом разберусь когда-нибудь.

Я — человек: загадка из загадок!
 Егоров узел! Формула добра...
 Я за окно гляжу: в окне — закаты
 горят... Потом — рассветы. Спать пора.

...Я — человек. Я выкроен из ромбов,
 из бронхов, из волокон и костей.
 Я — манекен, машина, био-робот,
 макет, муляж, приманка для властей!

Я — человек. И заявляю гордо,
 что это так! Да будут до конца
 мои: клетчатка, мозжечок, аорта,
 гипоталамус, красные тельца,
 сосуды, также мускулы лица

мне слушаться!

...Я человек среди прочих.

Меня довлеет внешняя среда.
 Я с ней завязан массой общих точек,
 мне долго с ней не рассчитаться, да.

И это чрезвычайно неприятно!
 А, впрочем, может быть, и ничего...
 Я — черновик! Мне много непонятно,
 и даже, может быть, и НИЧЕГО.

...Я — человек. Углы, кубы, квадраты,
 созвучья, связи строят плоть мою.
 Я — аппарат, и все мы аппараты.
 Я — хаос: и не знаю *что* пою...

Все вру! Я — муза в казино игорном,
 ходячий и крылатый интеграл...
 Я — человек с виолончелью в горле.
 Я тело на рулетке проиграл.

...Невесть я что: ни Бог, ни червь, ни птица...
 Но приурочена ко мне душа...

.....

А сколько ангелов способно уместиться
 на острие карандаша?

Последний снег

Жду окончательного снега
как разрешения аккорда.
Пусть он обрушится на город
с перелопаченного неба.

Жду заключительного снега,
который подведет итоги,
расставив звездочки и точки
в пространстве кварцевого спектра

с системой радужных колец,
закручивающихся в сферы...

Жду всепрощающего снега...
И он настанет наконец!

.....

И пусть идет, идет, идет —
полупороша-полуморось...

А ты стоишь, как идиот,
и — смотришь,

смотришь,

смотришь,

смотришь...

Стихи оформлены графикой В. Блинова